https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-240-269
https://elibrary.ru/IYJLQM
Научная статья
УДК 821.161.1.09"18"

© 2025. О. А. Богданова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Русская литературная усадьба в контексте художественных направлений. Классицизм и сентиментализм: итоги и перспективы XVIII в.

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

***Аннотация*:** В статье прослежена динамика *усадебного топоса* и *усадебного мифа* в русской литературе XVIII в. от условно-риторических к мимети-ческим формам в контексте предшествовавших ей (XVI–XVII вв.) и последующих (XIX–XXI вв.) периодов развития. Показано, что формирование указанных категорий происходило на почве *литературной усадьбы* Московской Руси в условиях перестройки русской культуры под влиянием мощной волны европеизации в послепетровские десятилетия. В классицизме рассмотрены горацианская и государственно-патриотическая линии в репрезентации *литературной усадьбы*, во многом связанные с эстетической категорией возвышенного; в сентиментализме — идиллический хронотоп, коннотации *рая на земле*, вдохновения и художественного творчества, ценность патриархальной семьи. Установлено, что *сентиментальный идеал*, воплощенный в эстетике трогательного, лег в основу *усадебного мифа* начала XX в. Подчеркнута значимость художественных направлений XVIII в. для формирования русской *литературной усадьбы*.

Ключевые слова: русская литературная усадьба, художественное направление, XVIII век, классицизм, сентиментализм, поэтика, усадебный топос, усадебный миф.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7004-498X
E-mail: olgabogda@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 02.07.2025
Дата одобрения статьи рецензентами: 04.08.2025
Дата публикации статьи: 25.09.2025
Для цитирования: *Богданова О. А.* Русская литературная усадьба в контексте художественных направлений. Классицизм и сентиментализм: итоги и перспективы XVIII в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 240–269. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-240-269

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 240–269. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 240–269. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Olga A. Bogdanova
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Russian Literary Estate in the Context of Artistic Trends. Classicism and Sentimentalism: Results and Prospects of the 18th Century

***Acknowledgements*:** The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P (https://rscf.ru/project/22-18-00051/).

Abstract: The article examines the dynamics of the *estate topos* and *estate myth* in Russian literature of the 18th century, tracing their evolution from conditional rhetorical to mimetic forms within the context of the preceding (16th–17th centuries) and subsequent (19th–21st centuries) periods of development. The research indicates that the formation of these categories occurred within the *literary estate* of Moscow Rus, in the context of the restructuring of Russian culture under the influence of a powerful wave of Europeanization in the post-Petrine era. Horatian and state-patriotic lines in the representation of a *literary estate*, largely related to the aesthetic category of the sublime; in sentimentalism, an idyllic chronotope, connotations of *paradise on earth*, inspiration, artistic creation, and the value of the patriarchal family. The article establishes that the sentimental ideal embodied in the aesthetics of the touching formed the basis of the *estate myth* of the early 20th century. The importance of the artistic trends of the 18th century is emphasized for the formation of the Russian *literary estate*.

Keywords: Russian literary estate, artistic trend, 18th century, classicism, sentimentalism, poetics, estate topos, estate myth.

***Information about the author*:** Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7004-498X
E-mail: olgabogda@yandex.ru

Received: July 02, 2025
Approved after reviewing: August 04, 2025
Published: September 25, 2025
For citation: Bogdanova, O. A. "The Russian Literary Estate in the Context of Artistic Trends. Classicism and Sentimentalism: Results and Prospects of the 18th Century." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 240–269. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-240-269

Одной из важнейших задач последовательно реализующихся проектов Российского научного фонда «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» и «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» является анализ репрезентаций *усадебного топоса* в произведениях, относящихся к различным литературно-художественным направлениям, начиная с классицизма и заканчивая метамодернизмом. Другими словами, планируется исследовать специфику изображения усадьбы, поэтику усадебных текстов в разных эстетических системах и творческих методах.

До настоящего времени такой задачи в литературоведении не ставилось, она впервые была сформулирована именно в рамках наших проектов. Уже появились исследования относительно литературных направлений XX–XXI вв.: символизма, футуризма, акмеизма, неореализма, социалистического реализма, концептуализма и метамодернизма [см.: Богданова 2020a; Глухова; Ворон; Михаленко 2022; Богданова 2019a; Михаленко 2023; Богданова 2020b; Андреева 2024; Андреева 2023; Богданова 2024; Федосеева; Кнорре; Богданова 2025a; Богданова 2020c; и др.]. Однако более ранний этап развития новой русской литературы пока не охвачен — практически отсутствуют работы о специфике изображения усадьбы в литературе классицизма, сентиментализма, романтизма, классического реализма и натурализма. При этом никто не проводил целенаправленного сопоставления усадебных произведений, относящихся к указанным литературным направлениям, не выстраивал их в эволюционный ряд, не ставил задач исторической поэтики применительно к этому материалу. Можно сказать, что мы впервые делаем попытку произвести обзор проблемы и сформулировать по ней предварительные выводы, в настоящей статье — применительно к русской литературе XVIII в.

Также стоит отметить, что, в соответствии со своим масштабом и научной значимостью указанная тема может быть полностью раскры-

та только в объемной монографии, возможно коллективной, написание которой потребует, для получения строго верифицированных результатов, многоаспектного исследования разных творческих практик и методов, а также анализа десятков и даже сотен художественных произведений. Поэтому в данной работе мы можем лишь обозначить параметры заявленной тематики и представить по ней ряд соображений.

Хотя тема нашей статьи касается *литературной усадьбы* в новой русской литературе, нельзя не сказать о непосредственно предшествовавшей ей древнерусской словесности — ведь хронология русской усадьбы, по мнению историков, начинается с XVI в. [см.: Дворянская и купеческая сельская усадьба]. В литературе она отразилась в первую очередь в «Домострое» протопопа Сильвестра (XVI в.) и в авантюрно-бытовой повести XVII в. Методологический инструментарий можно поискать в трудах Д. С. Лихачева («сокращение» пространства, барочный орнаментализм и проч.), М. М. Бахтина (хронотопы рыцарского и плутовского романов), Ю. М. Лотмана (единство географии и этики в русском Средневековье), А. Н. Ужанкова (Православие как «литературный критерий») [см.: Лихачев; Бахтин; Лотман 1965; Ужанков] и др. Однако это отдельная самостоятельная задача, которая выходит за рамки настоящего исследования. Отметим только, что древнерусская усадьба существенно отличалась от той, которую мы находим в русской классике, даже в архитектурном отношении. Так, например, сохранилось описание созданной в XVII в. при князьях Голицыных усадьбы А. Д. Кантемира Черная Грязь, сделанное в 1722 г. иностранцем Ф. В. Берхгольцем:

> Дом в Черной Грязи <...> построен на китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защите от солнца. Он весь деревянный, но так как раскрашен и стоит на высоком месте, то кажется великолепным» [Дневник камер-юнкера Ф.В. Бергхольца: 165–166] .

В новейшем исследовании по истории этой усадьбы Р. М. Байбурова убедительно доказала, что Черная Грязь являла собой типичную бо-

гатую усадьбу допетровской эпохи, похожую на «сказочное Берендеево царство», которую иностранцы приняли за «китайскую экзотику <…> на русской почве» [Байбурова: 284, 288].

Пока что итогом размышлений о *литературной усадьбе* в древнерусской культуре могут быть следующие тезисы: 1) усадьба — самый распространенный тип жизнеустройства в Средневековой Руси как на селе, так и в городе (ведь древнерусские города — агломерации усадеб, поэтому здесь не возникало оппозиции усадьбы/деревни и города); 2) усадьба — модель мироздания в целом, вмещающая в себя и светлое и темное в мире, и рай (господский дом с иконами, терем) и преисподнюю (баня); 3) в древнерусской усадьбе нет элиминации темных сторон бытия — они осознаются как реальность, рядом с которой необходимо сосуществовать, хотя и оцениваются негативно; 4) тем не менее усадьба в первую очередь православный топос, где признается греховность падшего мира, но выдвигается на первый план добродетель смирения, или смиренномудрия, а бытовой повседневный уклад наполняется христианской символикой, христианскими смыслами; 5) на усадьбу распространяется полуязыческое представление о сакральном характере русской земли, поэтому стоящая на земле усадьба воспринимается в целом как святое место (имеется в виду культ Рода и земли, которого не было в Западной Европе) [подробнее см.: Кривов, Крупнов; Степанов; Якеменко; Комарович]. Древнерусский субстрат *усадебного топоса* продолжил прикровенное существование и в Новое время, нередко адаптируя к автохтонной культуре приходившие в страну начиная с XVIII в. западноевропейские влияния и тем самым придавая классической русской *литературной усадьбе* национальное своеобразие.

В сознании человека русской культуры обычно присутствует устойчивый образ сельской помещичьей усадьбы XVIII–XIX вв.:

> одно-двухэтажный гладко оштукатуренный дом, по центру увенчанный фронтоном и украшенный портиком с белыми колоннами дорического, ионического или коринфского ордера, с вместительными флигелями и галереями по бокам, вокруг строения — партер с газонами, цветниками, фонтанами и скульптурами, поодаль же все утопает в зелени обширного парка, аллеи которого полны света и свежих запахов, ведя или к храму, или к водоему, или к садовому павильону… [Богданова 2020d: 18–19].

Однако большинство деталей этой картины пришло в родной среднерусский пейзаж из других стран. Так, «сама архитектура главного дома и садово-парковых построек, принадлежа стилю европейского классицизма или ампира, восходит к греко-римской античности с ее разветвленной мифологией, глубокой философией и идеалами военной и гражданской доблести» [Богданова 2020d: 19]. Кроме того, русская *усадебная культура* во второй половине XVIII в.

> создавалась в условиях мощной волны европеизации России, включения ее в контекст политической, социальной и умственной жизни Западной Европы, вплоть до заимствования костюмов, кухни и бытового распорядка. Наконец, благодаря звучанию в усадебных покоях французского языка, а в библиотеках и художественных галереях — присутствию французских, английских, немецких, итальянских книг и картин властителями дум русских помещиков нередко становились такие общеевропейские знаменитости, как Ж.-Ж. Руссо и А. де Мюссе, Дж. Байрон и Ч. Диккенс, И.В. Гете и Ф. Шиллер, Дж. Леопарди и С. Пеллико… [Богданова 2020d: 19].

Так как в ходе интенсивной европеизации России, вызванной реформами Петра I, русская нация разделилась на «образованное сословие», воспринявшее западноевропейские ценности и образ жизни, и простой народ, во многом сохранивший культуру Московской Руси, то усадьба в этот период стала, по сути дела, социокультурным фронтиром, где соприкасались и взаимодействовали европеизированные дворяне и патриархальные крестьяне. В то же время русская усадьба той поры постепенно становилась «художественным перекрестком» [Евангулова: 25], где соединялись, взаимно обогащаясь, черты западноевропейского (входившего в дворянский кругозор) и национально-традиционного (крестьянского) искусства.

Европеизация существенно повлияла и на духовные пути России в XVIII в. — сложные судьбы Православной веры после Петра I, развертывание «Русской Реформации» Феофаном Прокоповичем, разрешившейся «протестантской псевдоморфозой церковности», а также на то, что к концу 1770-х гг. «масонское движение охватывает почти что весь тогдашний культурный слой» [см.: Флоровский: 122, 153], т. е. большинство деятелей русского сентиментализма от М. М. Хераскова до Н. М. Карамзина:

> Сентиментализм с масонством связан органически. Сентиментализм не был только литературным направлением или движением. Это было сперва именно мистическое движение, <…> религиозно-психологический сдвиг. И его истоки нужно искать в испанской, голландской и французской мистике XVI и XVII веков. Это было воспитание души в мечтательности и чувствительности, в какой-то постоянной задумчивости, и в некой «святой меланхолии» [Флоровский: 155–156].

«Масонство, увлекая своим идеализмом и благородными мечтами о служении человечеству, <…> было явлением *внецерковной религиозности* (Курсив В. В. Зеньковского. — *О. Б.*), свободной от всякого церковного авторитета» [Зеньковский: 102–103]. Тем не менее российских масонов конца XVIII в. «привлекал <…> православный обряд богатством и пластичностью своих образов и символов. Масоны ценили в Православии именно эту традицию символов, уходящую своими корнями в <…> античную древность» [Флоровский: 162]. Вторая половина XVIII в. была также отмечена, по наблюдению Г. В. Флоровского, «каким-то мечтательным и мистическим подъемом и в народных массах. Это было время развития или возникновения всех основных русских сект, — хлыстовства, скопчества, духоборства, молоканства» [Флоровский: 161]. Оба «потока, верхний и низовой» «скрещивались» [Флоровский: 161] прежде всего в усадебном пространстве екатерининской эпохи.

Все эти факторы необходимо учитывать при рассмотрении динамики *усадебного топоса* в русской литературе XVIII–XIX вв. В Новое время, а в России заметным образом начиная с XVIII в., общеевропейские процессы секуляризации и индивидуализации литературного творчества перешли в качество фикциональности, или художественного вымысла. Обратившись к концепции стадиального развития литературного процесса, в данной работе мы кратко рассмотрим *литературную усадьбу* в последовательно сменявших друг друга художественных направлениях классицизма и сентиментализма. *Литературная усадьба* в направлениях XIX–XXI вв. — романтизме, реализме, натурализме, модернизме (символизме, футуризме, акмеизме и др.), неореализме, социалистическом реализме, магическом реализме, концептуализме, метамодернизме — на текущий момент останется вне нашего внимания. Кроме того, в рамках XVIII в. мы не коснемся течения просве-

тительского реализма (творчества Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова, М. В. Милонова, В. Т. Нарежного и др.), которое целесообразно рассмотреть вкупе с видами реализма XIX в. в последующих статьях цикла.

Оговоримся сразу: большинство литературных феноменов мы относим к тому или иному направлению по доминантному присутствию его признаков; на деле же конкретное произведение содержит в себе черты различных направлений и химически чистых сентиментальных, романтических или футуристических усадеб не существует, разве что крайне редко в произведениях малой формы. Например, усадьба в творчестве Достоевского 1840-х гг. — это воплощение *сентиментального идеала* в контексте социально-критического реализма при изображении городской столичной жизни (в романе 1846 г. «Бедные люди» идиллическая картина деревенской усадьбы в воспоминаниях Вареньки Доброселовой контрастирует с жесткой буржуазно-бюрократической социальной иерархией Петербурга) или романтического двоемирия (в рассказе 1849 г. «Маленький герой» усадебная территория разделена на две качественно различные сферы: изображенную реалистически филистерскую «толпу» с ее приземленными интересами и возвышенный мир устремленных к духовному идеалу «шиллеровских» героев, представленный в парадигме романтизма).

В первую очередь мы рассмотрим русскую *литературную усадьбу* в рамках ***классицизма***, расцвет которого в России пришелся на вторую треть XVIII в. В Западной Европе классицизм дал свои блестящие плоды еще в XVII в.; в Россию он пришел уже в XVIII в. как феномен эпохи Просвещения. Просветительский классицизм прежде всего озабочен воспитательной целью (в соответствии с нормами, диктуемыми просвещенным разумом) и продолжает ориентироваться на римскую античность, в истории и литературе которой человеческая природа показала, по его мнению, свои идеальные образцы: верность долгу, стойкость, силу воли, презрение к опасности. Теперь, в отличие от XVII в., человек признается существом в первую очередь общественным и добродетельным от природы. Также, в противоположность классицизму XVII в., в этике и эстетике классицизма просветительского частное, индивидуальное благо должно подчиняться общему — а именно государственным интересам. В поэтике главным становится конфликт между долгом, связанным с государственными установлениями, и

«страстью», т. е. личными предпочтениями [см.: Купреянова; Русский и западноевропейский классицизм; Москвичева]. В русском классицизме преобладают сатирическая направленность, нацеленная на искоренение «страстей» и невежества, национально-историческая тематика, связанная с утверждением победоносной имперской государственности, и военно-патриотический пафос.

В этом контексте усадьба воспринималась как место воспитания и возрастания здорового духом выносливого воина и государственного деятеля, а также отдыха от полезных государственных трудов, т. е. как топос патриотизма и гражданственности, элемент разумно устроенной общественной системы. Именно поэты классицизма — А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков и др., — при стойкой ориентации на римскую античность, закрепили тему усадьбы в русской литературе, впервые обратились к поэтическому изображению реальных русских усадеб и связали с ними национально-патриотические мотивы.

В то же время, как отмечает Ю. М. Лотман, русская литература эпохи классицизма «создала два контрастных этических идеала: идеал деятельного патриотизма, выражавшийся <...> в форме служения государству, и идеал частной жизни, дающий личную независимость и свободу от государственных обязательств. В духе времени один облекся в одические одежды, а другой — находил себе выражение в образах, заимствованных из Горация» [Лотман 1997: 129] . При этом надо учитывать еще одно обстоятельство: роль усадьбы в жизни российского дворянина вплоть до манифеста Петра III «О вольности дворянства» (1762) была не слишком велика — ведь привязанные к службе помещики сравнительно редко бывали в своих владениях, поневоле уделяя им мало внимания. Кроме того, «в России до середины XVIII в. не существовало юридической неприкосновенности недвижимого имущества. Государева опала означала, прежде всего, лишение виновного права собственности. Земли, недвижимое имущество отбирались в казну, о правах наследников при этом никогда не вспоминалось <…>. Особенно осложнилась ситуация при Петре I, который <…> заменил жалованье в виде поместного оклада за военную или гражданскую службу денежным вознаграждением, и дальнейший доступ дворян к земельному наделу был закрыт. Это не значило, что государственные земли перестали переходить в частные руки, но теперь их получали главным об-

разом родственники и фавориты царя. В этих условиях строительство усадеб могли себе позволить единицы <…>» [Дмитриева: 143–144]. Да и поселялись в усадьбах в тот период, как правило, люди, вышедшие в отставку после многолетних государственных трудов (как А. Т. Болотов), или не ужившиеся на службе, нередко в результате недобросовестной конкуренции, интриг, разногласий с начальством, несправедливости (как А. П. Сумароков). Например, А. Д. Кантемир, одно время бывший видным деятелем при дворе Анны Иоанновны, в стихотворении «О жизни спокойной» (1730-е гг.) «подчеркивает, что доволен <…> тем, что его забыли, потому что это обстоятельство помогает удалиться от дел и жить спокойной, уединенною жизнью» [Гляриантова: 213]. Все это во многом определило апологетическую по отношению к усадебной «простоте» и критическую по отношению к придворным нравам тональность сатир Кантемира и Тредиаковского, где прославлялась здоровая умеренная сельская жизнь в противовес столичной суете и излишествам.

Оба автора обращались к античным образцам, прежде всего ко 2-му эподу из сборника «Эподы» древнеримского поэта Квинта Горация Флакка, изображавшему усадебное уединение. Симптоматично, что в XVIII – начале XIX в. в России было сделано целых 9 его переводов и переложений, среди которых — В. К. Тредиаковского, Г. Р. Державина и В. В. Капниста. Из строк русских литераторов постепенно исчезали присущие оригиналу иронические коннотации, и эпод воспринимался как ода Горация усадебной сельской жизни. Помимо Горация в *литературной усадьбе* классицизма просматривались стоические идеалы древнеримского философа Луция Аннея Сенеки, как известно, удалившегося в конце жизни на одну из своих вилл, где, по приказу императора Нерона, он совершил самоубийство.

По наблюдению Л. И. Густовой, впервые признаки *усадебного топоса* в новой русской литературе обнаруживаются в творчестве А. Д. Кантемира — в стихотворении «О жизни спокойной» (1730-е гг.) и в VI сатире «О истинном блаженстве» (1738). Напомним, что сатира в иерархии классицистических жанров занимает среднее место и написана средним речевым стилем, содержащим слова нейтрального регистра и сниженную лексику, в том числе исконно русские слова бытового назначения. Таким образом, ее поэтика приближена к миметической передаче жизненных впечатлений. Действительно, темой указанных произведений

Кантемира, помимо реальных наблюдений над людьми придворного круга, становятся «многочисленные посещения <…> поместья отца Черная Грязь, а с другой стороны, 2-й эпод Горация и философские произведения Сенеки» [Густова: 31] — трактаты «О блаженной жизни» и «О спокойствии души». Таким образом, уже у Кантемира, наряду с подражанием античным авторам, присутствует «буквальное, эмпирическое воспроизведение деталей усадебного быта» [Густова: 12].

Е. П. Зыкова, напротив, считает, что литература русского классицизма практически не интересуется «частной стороной жизни и не опускается в сферу быта», «идеалы частной жизни (усадебного быта, сельского уединения) не осознает как самостоятельную ценность», всецело сосредоточившись на идее служения государству, — «поэтому в первой половине XVIII в. мотивы поэмы о сельской усадьбе проникают в русскую литературу через подражания древним либо западноевропейским авторам» [Зыкова 1998: 59–60], а не в результате непосредственных жизненных впечатлений. Так, стихотворение Кантемира «О жизни спокойной», которое можно назвать первой поэмой о сельской усадьбе в русской литературе, вдохновлено моральной философией Сенеки, «главные идеалы которого — спокойствие, независимость, довольство малым, возможность посвящать себя любимым занятиям: изучению древних, творчеству» [Зыкова 1998: 60] — могут быть воплощены именно в сельской усадьбе. Е. В. Глариантова добавляет, что вместе с идеалом «горацианского типа мудреца», «в нем <…> проявляются псалмические мотивы восхваления Создателя через Его творения» [Глариантова: 215]. И все же «можно говорить о том, что за созданной в стихотворении картиной стоит реальный опыт Кантемира, связанный с подмосковной деревней отца Черные Грязи, где поэт часто живал наездами в 1724–1726 гг.» [Зыкова 1998: 61].

В авторском примечании к своей сатире VI «О истинном блаженстве» сам Кантемир, с одной стороны, признается в прямом подражании эподу Горация, с другой — передает реальный облик русской усадьбы 1740-х гг. с ее малыми размерами, отсутствием архитектурной планировки и незаметным расположением на местности [см.: Кантемир 1956: 147]. В тексте сатиры доказывается, что «блажен» в жизни лишь тот, кто довольствуется «малым», живет в «тишине» и следует «добродетели» [Кантемир 1956: 147]. Усадьба становится «идеалом морального оазиса среди царящего в мире зла» [Густова: 30].

В. К. Тредиаковский, подобно Кантемиру, также развивает *усадебный топос* в русле горацианства и философских идей Сенеки. Характерно его переложение «Стихов Сенековых о смирении» (1730), где «скользкой придворной дороге» предпочитается «дом простой», «покой», добродетель и творчество [Тредиаковский: Стихи]. А в переводе (переложении) 2-го эпода Горация под собственным названием «Строфы похвальные поселянскому житию» (1752), убрав непонятные отечественному читателю детали древнеримской жизни, Тредиаковский вводит в текст приметы русского усадебного быта: здесь и зима со «снегами» и «стужей», «избы», «щи» с хлебом, «пиво» с «квасом», псовая охота на волков, медведей и «боязливых зайцев», «овин», «гумно», «светлица» и крепкая патриархальная семья, а также характерные для среднерусской полосы сельские работы [Тредиаковский: Строфы]. Этот свободный счастливый мир противопоставлен у Тредиаковского государственной службе, где «...строй по барабану» [Тредиаковский: Строфы].

В то же время в одической традиции русского классицизма, со всеми приметами высокого жанра — величественными героями с их гражданскими идеалами и военными подвигами, декларированной дидактикой и обилием мифологических параллелей, исторических сравнений и церковнославянизмов в речевом стиле, — усадьбы царей и богатых вельмож представали как пантеоны «земных богов». Так, в оде М. В. Ломоносова о Царском Селе, «в которой Ее Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость <…> августа 27 дня 1750 года», обращенной к Елизавете Петровне, и в его же стихотворении «На Сарское Село августа 24 дня 1764 года», прославляющем Екатерину II, с царской усадьбой связаны патриотический пафос и рыцарские доблести, героическая история прошлых веков, образцы служения, верности государственному долгу. В оде к Елизавете Петровне, несмотря на ряд конкретных деталей («Петрова дщерь», Нева, Сарское Село и т. п.), изображение условно, наполнено риторическими формулами, — в первую очередь, это сравнение царской резиденции с Эдемом, *земным раем*, а также аллегорические образы Нила, Инда, Дианы, Семирамиды, Урании, орла, нимфы и проч. [см.: Ломоносов. На Сарское село…: 64–69]. Затронутые здесь «темы науки, земледелия и торговли — трех китов, на которых держится процветание государства» [Зыкова 1998: 63], заимствованы из дидакти-

ческой поэмы Вергилия «Георгики», еще одного античного ориентира для *усадебного топоса* русского классицизма. Во втором произведении Ломоносова, посвященном тому же локусу, вновь встречаем риторические сравнения с «эдемской красотой» и жилищем «земных богов» и практическое отсутствие индивидуальных деталей усадьбы, кроме абстрактных лугов, кустарников, садов и украшающих их цветов и «художеств» [Ломоносов 2005].

А. П. Сумароков в своих трагедиях на темы национальной истории — «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1750), «Димитрий Самозванец» (1771) — утверждавший идеи государственного служения, самоотверженного патриотизма и героизма, подавления эгоистических «страстей», не отступал от программы классицизма также и в поэтических жанрах. Не сомневаясь в разумности сословно-монархического государственного устройства, где каждый из участников, подобно членам человеческого организма, должен выполнять определенную функцию, в своих сатирах он призывал к этому и дворян, и крепостных. Так, в сатире «О благородстве» (1769–1771) поэт утверждает их равенство по природе [см.: Сумароков 1957: 189–191], а в сатире «О честности» (1774) рисует образ идеального дворянина-помещика: «Будь сын отечества и государю верен!» [Сумароков 1957: 195] Он предъявляет к поместному дворянству строгие нравственно-этические требования, в первую очередь — разумно управлять крестьянским трудом, и высмеивает крепостников-самодуров [см.: Западов: 83, 85]. В рецензии на «Наказ» (1767) Екатерины II в рамках деятельности Уложенной комиссии Сумароков отстаивает человеческое достоинство крестьян как «людей, требующих внимания и заботы помещиков»; крепостные, по его мнению, являются «рабами отечества», а не собственностью дворян [см.: Берков: 15]. Несколько раньше, в «Эпистоле его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа» (1761) Сумароков высказывается о месте крестьянина в государстве:

> Крестьянин, сея хлеб, трудится и не дремлет,
> К тому родился он и гласу долга внемлет
> [Сумароков 1957: 132].

Однако с рациональным подходом к поместной жизни Сумароков сочетал и лирическое начало. Так, в своей журнальной публицистике он воспевает уединенную усадебную жизнь на лоне природы: «Что делается на свете, я знать не любопытствую, и удалившися света в простоте и в моем уединении обретаю время златого века» [Сумароков 1759: 314]. В самом деле, в середине XVIII в. классицизм начинает эволюционировать «в плане идейного содержания: выдвигаются темы <…>, в которых находит отражение борьба за политическую и религиозную свободу» [Гуцевич: 189]. В течение XVIII в. в сознании дворян-помещиков назревал конфликт между патриотическими идеалами обязательной государственной службы и личными интересами, «который был разрешен указом "О вольности дворянства"» [Гуцевич: 190] в 1762 г. В песнях Сумарокова, посвященных сельскому усадебному времяпрепровождению, переплетаются античные буколические («Уже восходит солнце, стада идут в луга…», 1755) и русские фольклорные («В роще девки гуляли…», 1770) мотивы, формируя тот самый «художественный перекресток», которым станет русская усадьба в классической литературе XIX в.

Рассматривая классицизм в широком культурологическом контексте, отметим, что именно «классицистический стиль <…> наиболее ярко воплотился в русской усадебной культуре», что «именно Россия развивала архитектурную традицию, идущую от римских вилл, придав ей новую художественную ценность и широту распространения», что «классицизм занял обширные пространства и распространил античную культуру по всей необъятной России» [Гуцевич: 191], в сотнях усадеб во всех уголках страны. Это классицизму обязана русская усадьба XVIII – начала XX в. своим устоявшимся обликом, своей структурой: господский дом на возвышенности (часто на высоком берегу реки), въездная аллея через регулярный парк, полукруглый двор перед парадным фасадом барского жилища, партер перед домом, сзади — парк и сад с террасами, гидросистема (каскад прудов), невдалеке храм с родовым кладбищем, вокруг — хозяйственные постройки: дома прислуги, флигель управляющего, экипажный сарай, конный двор, кузница, оранжерея, поварня, погреб, амбар, кладовые [см.: Гуцевич: 192]. Подобные картины многократно отразились в *усадебном тексте* всей последующей русской литературы.

Итак, классицизм создал гармоничный архитектурный облик классической русской усадьбы и впервые внес в *усадебный топос* оте-

чественной литературы, с одной стороны, подражание античным образцам, с другой — национальный историзм и осознанную коннотацию патриотизма, служения Отечеству, долга перед большой и малой родиной. В классицистических одах и отчасти сатирах *усадебный топос* связывался с эстетической категорией возвышенного. Кроме того, предшествуя сентиментализму, классицизм представил усадьбу с ее добродетельной сельской жизнью на лоне природы в качестве контраста придворным порокам и карьерной суете в столице. С классицистической усадьбой читатель обычно соприкасался в поэзии и частично в публицистике. Многие из черт классицизма остались в системе русских усадебных ценностей уже после его ухода с культурной авансцены.

Как последний фазис литературы Просвещения, ***сентиментализм*** не отказался от стремления к разумному устройству человеческой жизни на земле, но целиком перенес его осуществление в частную, индивидуальную сферу. Следствием этого стали:

> особое внимание авторов к природе, ее внешнему облику, к процессам, в ней происходящим; напряженный интерес к эмоциональной сфере и переживаниям отдельного человека; при этом человек интересует не столько как носитель разумного, волевого начала, сколько как средоточие лучших природных качеств, от рождения заложенных в его сердце. <…> Возвышенное, столь излюбленное теоретиками классицизма, сменяется в сентиментализме категорией трогательного. Сентиментализм культивирует сочувствие к ближнему; филантропизм становится «школой человеколюбия» в противовес «холодно-рассудочному» классицизму [Жилякова, Волков: 9].

Вспоминая тезис Ю. М. Лотмана о двух этических идеалах русского классицизма — государственном и частном (см. выше), отметим, что последний в первую очередь воплощался в литературных подражаниях Горацию. «Горацианская философия, столь востребованная в позднем классицизме, как западноевропейском, так и русском, утверждала значимость малого личностного мира, своеобразного убежища от тревог и соблазнов мира большого, социально-исторического». Именно горацианство способствовало «органичному переходу от апологии внешнего мира к приоритету дома и частной сферы», или «от классицистической

литературы к сентиментальной» [Болотникова: 34]. Вместе с тем «русский сентиментализм переосмыслил горацианскую пространственную семантику, сделав сельский дом едва ли не единственной сферой органичного существования, резко противопоставленной суете городской цивилизации. Классицистическая взаимодополнительность сменилась антитезой» [Болотникова: 35], как, например, в «Послании к Дмитриеву» (1794) Н. М. Карамзина:

Но что же нам, о друг любезный,
Осталось делать в жизни сей,
Когда не можем быть полезны,
Не можем применить людей?
Оплакать бедных смертных долю
И мрачный свет предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Сим миром правя искони,
И впредь творят что им угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б без страха и надежды
Мы в мире жить с собой могли…

[Карамзин: 138]

В западноевропейской литературе наиболее яркими образцами сентиментализма стали романы Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1757) и И. В. Гете «Страдания юного Вертера» (1774), включавшие в себя *усадебный топос*, окрашенный так называемым *сентиментальным идеалом*. Последний знакомил читателя с приветливой природой, уютным патриархальным бытом, семейной гармонией, местной хозяйственно-филантропической деятельностью, согретой поэзией, любовью, дружбой, душевным теплом. Такова, в частности, жизнь дочери немецкого амтмана Лотты, обитающей в красивом доме посреди гор, лесов и полей, окруженной счастливыми детьми — своими маленькими братьями и сестрами, всегда занятой хлопотами по хозяйству

и делами милосердия, причастной к изящному культурному досугу — чтению, музицированию… [см.: Гете: 19, 25–26]. С сентиментализмом связан и первоначальный расцвет *усадебного топоса* в русской литературе — наполнение его конкретными смыслами, освобождение от классицистических риторических формул — в поэзии и драматургии М. М. Хераскова, В. И. Майкова, И. И. Дмитриева, Н. П. Николева, М. Н. Муравьева, И. М. Долгорукого, Н. М. Карамзина, Н. А. Львова, раннего В. А. Жуковского и др., в прозе Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия», «Чувствительный и холодный», «Рыцарь нашего времени», Н. Ф. Эмина «Роза», «Игра судьбы», В. В. Измайлова «Ростовское озеро», «Молодой философ» и др.

Усадьба стала наиболее подходящим топосом для воплощения *сентиментального идеала*, состоящего в равновесии всех душевных сил человека и гармоничном взаимодействии с окружающей природой и социальной средой. Философская база сентиментализма — пантеистическое учение Ж.-Ж. Руссо о благой природе мира и человека (благодаря чему русский крестьянин воспринимался как «естественный человек», человек «природы и правды») и сенсуализм Дж. Локка и Э. Шефтсбери — обусловили приоритет чувствительной, естественной сельской жизни на лоне природы в кругу семьи и в социальном согласии с соседями, слугами и «поселянами». Так как гармония в человеческой душе и в социуме изображалась обычно в усадебном контексте, симптоматична дискуссия об «идеальном помещике» на страницах русских сентименталистских журналов 1790–1800-х гг. [подробнее см.: Кочеткова: 73–74, 178]. Кроме того, именно сентиментализму принадлежит честь открытия природы как самостоятельной ценности в русской литературе [см.: Карамзин; Державин; Муравьев; и др.]. Вспомним, к примеру, стихотворение М. Н. Муравьева «Итак, опять убежище готово…» (1780), передающее, наряду с буколическими штампами, своеобразие природы конкретного *усадебного локуса*:

…Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что рощи глыбь сосновой,
И мельницы шумящий водопад.
Смиренна Тьма, какой своей прослугой
Названье ты сие приобрела?

Вияся сей прекрасною округой,
Ты льешь струи прозрачнее стекла.
Иль для того, что, кроясь своенравно
В подножии высокия горы,
Меж берегов крутых струишься плавно,
Маня к себе нимф сельских для игры;
Кидая темь, как плещутся пастушки,
В кустарниках скрываешь пастухов.
<…>

[Муравьев: 200–201]

Думается, не случайно период сентиментализма в культуре совпал с интенсивным усадебным строительством в Российской империи, с государственной политикой Екатерины II — эти идеи витали в воздухе эпохи. Вспомним, что «вплоть до 70-х гг. XVIII века служилые дворяне нечасто бывали в своих поместьях, роль которых в их жизни была невелика и зачастую сводилась к наименованию в перечне недвижимого имущества» [Жеребкова: 10]. Однако после царского манифеста «О вольности дворянства» (1762) и «Жалованной грамоты дворянству» (1785) образованные помещики, как правило, оставались в своих владениях, и в русской усадьбе складывалась особая атмосфера, формировались основные усадебные ценности, зарождалась *поэтосфера*, в Серебряном веке кристаллизовавшаяся в пленительный *усадебный миф*. Благодаря своей эмоционально-суггестивной природе, этот миф до сих пор воздействует «на воображение, волю и поступки людей, демонстрируя и формируя жизнетворческие стратегии патриархально-идиллической семейственности, слитности с землей (природой) и народом», а также «поведенческие модели утонченной интеллектуально-эстетической созерцательности, личного благородства и бескорыстия, высокой верности долгу и поэтичного любовного чувства» [Богданова 2019b: 210].

Вместе с сентиментализмом в русской *литературной усадьбе* утвердился идиллический хронотоп: приверженность вековым нравственным устоям, изображение счастливого детства, любящей семьи, преданной любви, созидательного творчества, спокойной красоты, дружественной природы, успешного хозяйствования на земле — все

это в гармоничном соотношении друг с другом. Также в идиллии наблюдается

> органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту <…>. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки [Бахтин: 374].

Создается, по мысли М. М. Бахтина, «характерная для идиллии циклическая ритмичность времени»; наконец, присутствует «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни» [Бахтин: 375].

Все это обусловило расцвет русской *литературной усадьбы* на рубеже XVIII–XIX вв. «Усадебное пространство, найдя воплощение в популярном в то время, но до предела клишированном жанре идиллии, становится одним из основных фонов для развития действия в художественной литературе» [Жеребкова: 11]. При этом идиллические шаблоны в изображении усадьбы («поющий соловей, мирт, журчащий ручей, зеленый луг, роза, зефир» [Жеребкова: 12]) все заметнее теснятся деталями художественного м*и*месиса в поэзии Н. М. Карамзина, М. Н. Муравьева, Г. Р. Державина [см.: Жеребкова: 12–18]. Так, в поэме «Евгению. Жизнь Званская» (1807) Державин «возрождает первоначальную живость восприятия уже окостеневших идиллических клише и затертых формул путем внедрения в их состав мотивов и тем иного, сниженного стиля. Это и разговорная лексика, описывающая прозаический быт усадебного жителя, и далеко не возвышенные реалии деревенской жизни, и т. д.» [Жеребкова: 17–18]. Здесь, благодаря умелому сочетанию традиционных и новаторских для своего времени приемов, представлен гармонический идеал внешнего и внутреннего равновесия, которого автор стихотворения достиг в усадьбе: это и вовлеченное любование природой во время прогулок, и чаепитие на берегу реки, и неустанные хозяйственные заботы о пчельниках, птичниках, прудах с рыбой, зерне в амбарах, ягодах на плодовых кустах, и великолепный в своем аппетитном изобилии обеденный стол, и чтение книг с газетами, и неспешная беседа с гостями, и занятия творческим трудом… Это в самом деле лучшее, о чем может мечтать человек на земле:

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой <…>

[Державин].

Это идеал, который подразумевала и подразумевает вся последующая русская «усадебная» литература от романтизма до постмодернизма, пусть и отклоняясь от него в разные эпохи в связи с изменением мировоззренческих координат и окружающего социума, но всегда беря за точку отсчета.

Неудивительно, что «усадебная» поэзия сентиментализма по сравнению с классицизмом отличается бóльшим жанровым разнообразием: помимо идиллии, это и пастораль, и дружеское послание, и элегия. По мысли Е. П. Зыковой,

> пастораль, вероятно, первый из литературных жанров, который начинает изображать бытовую сторону жизни частного человека, но одновременно она стремится опоэтизировать этот быт, представить его под знаком идеала, показать его как наиболее благоприятный для частного человека способ существования [Зыкова 1999: 11].

Л. И. Густова считает, что «пасторально-идиллический комплекс» [Густова: 14] художественных средств преобладал в «усадебной» поэзии И. И. Дмитриева, Н. П. Николева, А. А. Ржевского последней трети XVIII в., в частности «мотив прощания, грустного расставания с усадьбой, образ которой наделяется не только самыми возвышенными эпитетами, но идентифицируется с понятием “рая”» [Густова: 42–43]. В поэзии Николева «впервые после многочисленных переводов и подражаний Горацию, обнаруживается самостоятельный (освобождающийся от стандартных риторических формул. — *О. Б.*) усадебный топос, проявляющийся в описании реальных подмосковных усадеб: Горки — имения Николева и Вязёмы — имения Голицына» [Густова: 43]. В поэзии М. Н. Муравьева и И. М. Долгорукого «усадебный мир со всеми его характеристическими признаками предназначен быть <…> поэтической колыбелью, местом вдохновения и творчества» [Густова: 83]. В 1770–1790-е гг. само «усадебное бытие превращается в объект вы-

сокой поэзии (Николев, Капнист, Державин). Поэтическое сравнение усадебного пространства и сада с раем характерно для всей усадебной лирики» [Густова: 93]. Мотив *рая* становится постоянной составляющей *усадебного топоса*, перекликаясь с мотивами уединения, бегства на лоно природы от злободневных социальных проблем, внимания к своему внутреннему миру. «Рельефно выступает “мотив чтения” в усадьбе, формирующий круг духовных и нравственных ценностей ее обитателей <…>» [Густова: 94].

В дружеском послании Н. А. Львова к Г. Р. Державину (1792) «появляется еще один важный мотив поэмы о сельской усадьбе: мотив большой семьи, родового гнезда, в котором живут и воспитываются несколько поколений» [Зыкова 1998: 65]:

…А здесь меж мужиками
Не знаю от чего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал равен,
С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь,
Блогословляючи на встретеньи стократ
Станицу шумную троих моих ребят,
Которые растут здоровы, сильны, стройны…
[Львов]

Таким образом, в *усадебном топосе* русского сентиментализма были закреплены коннотации *рая на земле*, а также вдохновения, научного и художественного творчества, мотив патриархальной многопоколенной семьи [подробнее см.: Густова: 47–51, 73–79, 86–93]; *сентиментальный идеал*, воплощенный в жанрах пасторали и семейного романа, в идиллическом хронотопе, стал настолько желанным, что сохранился на века и лег в основу *усадебного мифа* Серебряного века, до сих пор привлекающего читательские сердца… Сентиментальный *усадебный топос* проявил себя и в русском театре 1770–1790-х гг., в первую очередь в пасторальных комических операх и «слёзных драмах», например «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель» (1777) В. И. Майкова и «Школа добродетели» (1798) М. М. Хераскова. Влияние сентиментализма сказалось и в усадебной архитектуре, в первую очередь парковой — появились «гроты уединения», таинственные

беседки, живописные «руины», стилизации «дикой» природы в буколических тонах… Даже после ухода сентиментализма с авансцены культуры в русском садово-парковом искусстве еще «достаточно долго сохранялось предпочтение "натурального сада", объединяющего и регулярные, и пейзажные элементы» [Кочеткова: 212]. То же можно сказать об усадебных интерьерах («чувствительные» пейзажи и портреты) [подробнее см.: Кочеткова: 207].

При этом, как продукт вольнодумной, обращенной к античным языческим образцам, секуляризованной эпохи Просвещения, *сентиментальный идеал* в своей основе был утопичен, как и государственно-просветительский идеал классицизма, поскольку исходил из представления об изначальной благости природы мира и человека, берущей начало в философии космизма-пантеизма. Он практически устранял христианское учение о первородном грехе, о предмирной искаженности и греховности человека, его трагической склонности ко злу, запечатленной в Библии. На деле индивидуальная человеческая свобода, провозглашенная сентиментализмом, вела прочь от душевного равновесия, к развитию противоречивых страстей (в том числе любовных) и вторжению негативных социальных стихий (буржуазной расчетливости, рутины, пошлости). Таким образом, крушение гуманистических иллюзий Просвещения происходило не только в государственной, но и в частной жизни человека, что и обусловило возникновение романтизма. Стало очевидным, что без Бога, без высших сил, одними человеческими стараниями *рай на земле* построить невозможно ни в государственном, ни в частно-семейном масштабе. Романтизм первой трети XIX в. с его культивированием сильных человеческих страстей и трансцендентными устремлениями явился антитезой сентиментализму, однако в русской литературе, в отличие от западноевропейской, он так и не смог стереть мечту об усадебной гармонии. Причину этого, как нам кажется, нужно искать в древнерусском субстрате отечественного *усадебного текста* Нового времени, а именно во вхождении в антично-языческую идиллию мотивов православно-христианской святости (смирения, смиренномудрия, жертвенной любви ко всему живому и т. д.), без которых секулярный *сентиментальный идеал* неизбежно разрушался антиномиями реальной (а не утопической) человеческой природы, омраченной первородным грехом [подробнее см.: Богданова 2025b].

Итак, именно сентиментализм упрочил в *усадебном топосе* русской литературы коннотации *рая на земле*, вдохновения и художественного творчества, ценность патриархальной семьи. Именно идиллический, утопический *сентиментальный идеал*, воплощенный в эстетике трогательного, лег в основу будущего *усадебного мифа* Серебряного века, включившего в себя гармоническое сочетание сплоченной семейственности и личной независимости, практичной хозяйственности и утонченных духовно-религиозных переживаний, увлеченности искусством и согласия с природой. Именно благодаря сентиментализму счастье как равновесие жизненных сил, как искомое земное благополучие прочно связалось в России с усадебным жизнеустройством. В сформированный классицизмом облик русской классической усадьбы сентиментализм внес особенные штрихи в области садово-парковой архитектуры и внутреннего убранства; в отличие от классицизма, у*садебный топос* сентиментализма проявился уже во всех видах литературы: эпической прозе, лирической поэзии и драматургии. Все перечисленное многогранно отразилось в *усадебном тексте* последующих столетий, органично вошло в систему усадебных ценностей.

Заканчивая наше небольшое исследование, еще раз подчеркнем важность художественных направлений XVIII в. для формирования русской *литературной усадьбы*: если в классицизме создавалась основа *усадебного топоса* в Новое время, то главной заслугой сентиментализма стала вдохновенная, изящная, лиричная *поэтосфера*, первая ласточка будущего *усадебного мифа*.

Список литературы

Источники

Гете И. В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 6. 480 с.

Державин Г. Р. Евгению. Жизнь Званская // *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 326–334.

Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: 1721–1725: в 4 ч. / пер. с нем. И. Ф. Аммона М.: Унив. тип., 1902–1903. Ч. 2. 247 с.

Кантемир Антиох. Собр. стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подг. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. 545 с.

Карамзин Н. М. Послание к Дмитриеву // *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 136–140.

Ломоносов М. В. На Сарское Село августа 24 дня 1764 года. // *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 234.

Ломоносов М. В. Оды похвальные и оды духовные // *Ломоносов М. В.* Стихотворения / сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Е. Н. Лебедева. М.: Сов. Россия, 1984. С. 64–69.

Львов Н. А. Гавриле Романовичу ответ // Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5431 (дата обращения: 30.06.2025).

Муравьев М. Н. Итак, опять убежище готово… // *Муравьев М. Н.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 199–202.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 609 с.

Сумароков А. П. Письма. I. О красоте природы // Трудолюбивая пчела. 1759. Май. С. 313–314.

Тредиаковский В. К. Стихи Сенековы о смирении // Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5152 (дата обращения: 27.06.2025).

Тредиаковский В. К. Строфы похвальные поселянскому житию // Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5159 (дата обращения: 27.06.2025).

Исследования

Андреева В. Г. Рассказ Б.К. Зайцева «Маша»: композиция текста и идея обустроенности усадебной жизни // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 308–327. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-308-327

Андреева В. Г. Усадебный мир в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 1. С. 85–96. https://doi.org/10.51762/1FK-2023-28-01-08

Байбурова Р. М. Дом 1722 года на «китайский манер» в Черной Грязи // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.; Рыбинск: Жираф, 1999. Вып. 5 (21). С. 282–288.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Берков П. Н. Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 5–46.

Богданова О. А. Динамика образа усадьбы в произведениях М. М. Пришвина первой трети XX в.: «У стен града невидимого» (1908), «Адам» (1918), «Мирская чаша» (1922), «Кащеева цепь» (1927) // Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 180–192. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-180-192

Богданова О. А. Кладовая культурной памяти // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020d. С. 18–25. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2) https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-18-24

Богданова О. А. На изломе времен: мир русской усадьбы в художественной прозе Г. И. Чулкова 1900–1930-х гг. // Русская словесность. 2020a. № 6. С. 5–13.

Богданова О. А. Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А. Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2019a. Вып. 3. С. 9–22.

Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги») // Русистика без граници (Болгария). 2020b. Т. IV, Кн. 3. С. 59–66.

Богданова О. А. Тема *усадьба и лес* в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К. Г. Паустовский и Л. М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025a. Т. 31, № 3. В печати.

Богданова О. А. «Усадебный миф» в литературе русского постмодерна: деконструкция или реконструкция? // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020c. С. 296–310. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-296-310

Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография / отв. ред. Е. Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019b. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

Богданова О. А. Усадьба как «*мироприемлющее* начало» (В. Е. Хализев) в русской литературе XVIII–XX вв. // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025b. Вып. 6. В печати.

Болотникова О. Н. Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 34–39.

Ворон П. А. «Усадебный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова // Артикульт. 2018. № 3 (31). С. 69–78.

Гларианто́ва Е. В. Стихотворение А. Кантемира «О жизни спокойной» в свете философских идей Сенеки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 210–215.

Глухова Е. В. «Усадебный топос» русского символизма в эго-документальной прозе Андрея Белого // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 48–66. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-48-66

Густова Л. И. «Славлю сельску жизнь на лире...» Усадьба в русской поэзии XVIII – первой трети XIX веков. СПб.: Петрополис, 2013. 214 с.

Гуцевич А. Е. Русская усадьба в эпоху расцвета классицизма (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 188–194.

Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / под ред. Л.В. Ивановой. М.: УРСС, 2001. 782 с.

Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 140–173. https://www.doi.org/10.17223/24099554/11/6

Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 303 с.

Жеребкова Е. В. Усадьба в русской литературе (II половина XVIII – I половина XIX вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2013. 23 с.

Жилякова Э. М., Волков И. О. Традиции сентиментализма в русской литературе XIX века. Томск: Томский гос. ун-т, 2023. 108 с.

Западов А. В. Поэты XVIII века (А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков). М.: МГУ, 1984. 240 с.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.

Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: Наследие, 1999. 249 с.

Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры: материалы научного межрегионального семинара. М.: МГОПУ, 1998. С. 58–71.

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345

Комарович В. Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVI / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 84–104.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 282 с.

Кривов А. С., Крупнов Ю. В. Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 416 с.

Купреянова Е. Н. К вопросу о классицизме // XVIII век. М.; Л.: АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 5–44.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1971. 413 с.

Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. II. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1965. С. 210–216.

Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // *Лотман Ю. М.* О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 118–167.

Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 233–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251

Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А.А. Ахматовой // Mundo Eslavo. № 22 (2023). С. 111–120.

Москвичева Г. В. Русский классицизм: учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1986. 191 с.

Русский и западноевропейский классицизм. Проза / отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1982. 291 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Ужанков А. Н. О «художественном методе» древнерусской литературы // *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций: монография. М.: Академика, 2008. 526 с.

Федосеева М. С. Усадебное наследие в осмыслении К. Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научных ст. М.: МАКС пресс, 2023. Вып. 2. С. 57–71.

Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.

Якеменко Б. Г. Культура Древней и Средневековой Руси. М.: Яуза. 2024. 544 с.

References

Andreeva, V. G. "Rasskaz B. K. Zaitseva ʻMasha': kompozitsiia teksta i ideia obustroennosti usadebnoi zhizni" ["ʻMasha,' a Story by B. K. Zaitsev: Composition and Idea of Order of Estate Life"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 308–327. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-308-327 (In Russ.)

Andreeva, V. G. "Usadebnyi mir v romane B. L. Pasternaka ʻDoktor Zhivago'." ["Estate Life in Pasternak's Novel ʻDoctor Zhivago'."] *Filologicheskii klass*, vol. 28, no. 1, 2023, pp. 85–96. https://doi.org/10.51762/1FK-2023-28-01-08 (In Russ.)

Baiburova, R. M. "Dom 1722 goda na ʻkitaiskii maner' v Chernoi Gryazi" ["A 1722 Chinese-style House in Black Mud"]. *Russkaia usad'ba: sbornik OIRU* [*Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate*], issue 5 (21). Moscow, Rybinsk, Zhiraf Publ., 1999, pp. 282–288. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. "Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike" ["The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics"]. Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [*Questions of Literature and Aesthetics. Research from Different Years*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

Berkov, P. N. "Zhiznennyi i literaturnyi put' A. P. Sumarokova" ["The Life Path of A. P. Sumarokov"]. Sumarokov, A. P. *Izbrannye proizvedeniia* [*Selected Works*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957, pp. 5–46. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Dinamika obraza usad'by v proizvedeniiakh M. M. Prishvina pervoi treti XX v.: ʻU sten grada nevidimogo' (1908), ʻAdam' (1918), ʻMirskaia chasha' (1922), ʻKashcheeva tsep" (1927)" ["The Dynamics of the Estate's Image in M. M. Prishvin's Works in the First Third of the 20th Century: ʻAt the Walls of the Invisible City' (1908), ʻAdam' (1918), ʻThe World Cup' (1922), ʻKashchey's Chain' (1927)"]. *Literaturnoe nasledie Mikhaila Prishvina: kontekst otechestvennoi i mirovoi kul'tury* [*Mikhail Prishvin's Literary Legacy: The Context of Russian and World Culture*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 180–192. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-180-192 (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Kladovaia kul'turnoi pamiati" ["The Storehouse of Cultural Memory"]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostal'giia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [*Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: A Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020d, pp. 18–25. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-18-24 (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Na izlome vremen: mir russkoi usad'by v khudozhestvennoi proze G. I. Chulkova 1900–1930-kh gg." ["At the Turn of Time: The World of the Russian Estate in G. I. Chulkov's Fiction in the 1900s and 1930s"]. *Russkaia slovesnost'*, no. 6, 2020a, pp. 5–13. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Svoeobrazie ʻusadebnogo toposa' v proizvedeniiakh A. N. Tolstogo 1910-kh gg." ["The Peculiarity of the Estate Topos in A. N. Tolstoy's Works in the 1910s"]. *Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem* [*Alexey Tolstoy: Dialogues with Time*], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2019a, pp. 9–22. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Usad'ba i dacha v dramaturgii A.M. Gor'kogo 1900-kh gg. (ʻDachniki', ʻDeti solntsa', ʻVragi')" ["Estate and Dacha in A. M. Gorky's Dramaturgy in the 1900s (ʻSummer Residents', ʻChildren of the Sun', ʻEnemies')"]. *Rusistika bez granitsi (Bolgariia)*, vol. 4, book 3, 2020b, pp. 59–66. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Tema usad'ba i les v literature sotsialisticheskogo realizma kontsa 1940-kh – nachala 1950-kh gg. (K. G. Paustovskii i L. M. Leonov)" ["The Theme of Estate and Forest in the Literature of Socialist Realism in the Late 1940s and Early 1950s (K. G. Paustovsky and L. M. Leonov)"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 31, no. 3, 2025. In print. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "'Usadebnyi mif' v literature russkogo postmoderna: dekonstruktsiia ili rekonstruktsiia?" ["The 'Estate Myth' in Russian Postmodern Literature: Deconstruction or Reconstruction?"]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: kollektivnaia monografiia* [*The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+: A Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020c, pp. 296–310. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-296-310 (In Russ.)

Bogdanova, O. A. *Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiia: monografiia* [*Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology: Monograph*], ed. by E. E. Dmitrieva. Moscow, IWL RAS Publ., 2019b. 288 p. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "Usad'ba kak 'miropriemliushchee nachalo' (V. E. Khalizev) v russkoi literature XVIII–XX vv." ["Estate as a 'Worldly Principle' (V. E. Khalizev) in Russian Literature of the 18th – 20th Centuries"]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, issue 6, 2025b. In print. (In Russ.)

Bolotnikova, O. N. "Fenomenologiia domashnego prostranstva v literature russkogo sentimentalizma" ["The Phenomenology of Home Space in the Literature of Russian Sentimentalism"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 391, 2015, pp. 34–39. (In Russ.)

Voron, P. A. "'Usadebnyi topos' i 'gorod budushchego' v tvorchestve Velimira Khlebnikova" ["'Estate Topos' and 'City of the Future' in the Works of Velimir Khlebnikov"]. *Artikul't*, no. 3 (31), 2018, pp. 69–78. (In Russ.)

Glariantova, E. V. "Stikhotvorenie A. Kantemira 'O zhizni spokoinoi' v svete filosofskikh idei Seneki" ["A. Cantemir's Poem 'About a Quiet Life' in the Light of Seneca's Philosophical Ideas"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 3, 2017, pp. 210–215. (In Russ.)

Glukhova, E. V. "'Usadebnyi topos' russkogo simvolizma v ego-dokumental'noi proze Andreya Belogo" ["'Estate Topos' of Russian Symbolism in the Ego-Documentary Prose of Andrei Bely"]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: kollektivnaia monografiia* [*The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+: A Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 48–66. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-48-66 (In Russ.)

Gustova, L. I. *"Slavliu sel'sku zhizn' na lire..." Usad'ba v russkoi poezii XVIII – pervoi treti XIX vekov* [*"I Praise Rural Life on the Lyre..." Estate in Russian Poetry of the 18th – First Third of the 19th Centuries*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2013. 214 p. (In Russ.)

Gutsevich, A. E. "Russkaia usad'ba v epokhu rastsveta klassitsizma (konets XVIII – nachalo XIX v.)" ["The Russian Estate in the Heyday of Classicism (Late 18th – Early 19th Century)"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 3–4, 2008, pp. 188–194. (In Russ.)

Ivanova, L. V., editor. *Dvorianskaia i kupecheskaia sel'skaia usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* [*Noble and Merchant Rural Estate in Russia of the 16th – 20th Centuries: Historical Essays*]. Moscow, URSS Publ., 2001. 782 p. (In Russ.)

Dmitrieva, E. E. "Russkaia usad'ba: semantika, topos i khronos" ["Russian Estate: Semantics, Topos and Chronos"]. *Imagologiia i komparativistika*, no. 11, 2019, pp. 140–173. https://www.doi.org/10.17223/24099554/11/6 (In Russ.)

Evangulova, O. S. *Khudozhestvennaia "Vselennaia" russkoi usad'by* [*The Artistic "Universe" of the Russian Estate*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2003. 303 p. (In Russ.)

Zherebkova, E. V. *Usad'ba v russkoi literature (II polovina XVIII – I polovina XIX vv.)* [*Estate in Russian Literature (2nd Half of the 18th – 1st Half of the 19th Centuries): PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, 2013. 23 p. (In Russ.)

Zhiliakova, E. M., and I. O. Volkov. *Traditsii sentimentalizma v russkoi literature XIX veka: uchebnoe posobie* [*Traditions of Sentimentalism in Russian Literature of the 19th Century: A Textbook*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2023. 108 p. (In Russ.)

Zapadov, A. V. *Poety XVIII veka (A. Kantemir, A. Sumarokov, V. Maikov, M. Heraskov)* [*Poets of the 18th Century (A. D. Kantemir, A. N. Sumarokov, V. N. Maikov, M. M. Kheraskov)*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1984. 240 p. (In Russ.)

Zen'kovskii, V. V. *Istoriia russkoi filosofii* [*The History of Russian Philosophy*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 880 p. (In Russ.)

Zykova, E. P. *Pastoral' v angliiskoi literature XVIII veka* [*The Pastoral in English Literature of the 18th Century*]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 249 p. (In Russ.)

Zykova, E. P. "Poema o sel'skooi usad'be v russkoi idillicheskoi traditsii" ["A Poem About a Rural Estate in the Russian Idyllic Tradition"]. *Mif. Pastoral'. Utopiia. Literatura v sisteme kul'tury: materialy nauchnogo mezhregional'nogo seminara* [*Myth. Pastoral. Utopia. Literature in the Cultural System: Materials of the Scientific Interregional Seminar*]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 1998, pp. 58–71. (In Russ.)

Knorre, E. Iu. "Usad'ba-sanatorii i gorod-sad: 'schastlivye prostranstva' v romane N. A. Ostrovskogo 'Kak zakalyalas' stal'.'" ["Estate-Sanatorium and Garden City: 'Happy Spaces' in N. A. Ostrovsky's Novel 'How Steel was Tempered'."] *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345 (In Russ.)

Komarovich, V. L. "Kul't Roda i zemli v knyazheskoi srede XI–XIII vv." ["The Cult of the Family and the Land in the Princely Environment of the 11th – 13th Centuries"]. Likhachev, D. S., editor. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*], vol. 16. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960, pp. 84–104. (In Russ.)

Kochetkova, N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniia)* [*Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Pursuits)*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 282 p. (In Russ.)

Krivov, A. S., and Iu. V. Krupnov. *Dom v Rossii. Natsional'naia ideia* [*A House in Russia. The National Idea*]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)

Kupreianova, E. N. "K voprosu o klassitsizme" ["On the Question of Classicism"]. *XVIII vek* [*18th Century*], coll. 4. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959, pp. 5–44. (In Russ.)

Likhachev, D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [*The Poetics of Ancient Russian Literature*]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 413 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. "O poniatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh" ["On the Concept of Geographical Space in Russian Medieval Texts"]. *Trudy po znakovym sistemam. II* [*Works on Sign Systems. II*]. Tartu, Tartu State University Publ., 1965, pp. 210–216. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. "Literatura v kontekste russkoi kul'tury XVIII veka" ["Literature in the Context of Russian Culture of the 18th Century"]. Lotman, Iu. M. *O russkoi literature* [*About Russian Literature*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1997, pp. 118–167. (In Russ.)

Mikhalenko, N. V. "Poetosfera dachi v tvorchestve V. V. Maiakovskogo" ["The Poetosphere of the Dacha in V. V. Mayakovsky's Works"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 233–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251 (In Russ.)

Mikhalenko, N. V. "Usadebnyi i dachnyi toposy: Tsarskoe Selo i Komarovo v zhizni i tvorchestve A. A. Akhmatovoi" ["Estate and Dacha Topoi: Tsarskoye Selo and Komarovo in the Life and Work of A. A. Akhmatova"]. *Mundo Eslavo*, no. 22, 2023, pp. 111–120. (In Russ.)

Moskvicheva, G. V. *Russkii klassitsizm* [*Russian Classicism: A Textbook for Students*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 191 p. (In Russ.)

Kurilov, A. S., editor. *Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm. Proza* [*Russian and Western European Classicism. Prose*]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 291 p. (In Russ.)

Stepanov, Iu. S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [*Constants: A Dictionary of Russian Culture*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)

Uzhankov, A. N. "O ʿkhudozhestvennom metodeʾ drevnerusskoi literatury" ["On the ʿArtistic Methodʾ of Ancient Russian Literature"]. Uzhankov, A. N. *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII veka. Teoriia literaturnykh formatsii: monografiia* [*The Stage Development of Russian Literature of the 11th – First Third of the 18th Century. Theory of Literary Formations: A Monograph*]. Moscow, Akademika Publ., 2008. 526 p. (In Russ.)

Fedoseeva, M. S. "Usadebnoe nasledie v osmyslenii K. G. Paustovskogo" ["Estate Heritage in the Understanding of K. G. Paustovsky"]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sbornik nauchnyh statei* [*Konstantin Paustovsky's Creative Legacy in the 21st Century: Collection of Scientific Articles*], issue 2. Moscow, MAKS Press Publ., 2023, pp. 57–71. (In Russ.)

Florovskii, G. V. *Puti russkogo bogosloviia* [*The Ways of Russian Theology*], ed. by O. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009. 848 p. (In Russ.)

Iakemenko, B. G. *Kul'tura Drevnei i Srednevekovoi Rusi* [*Culture of Ancient and Medieval Russia*]. Moscow, Iauza Publ., 2024. 544 p. (In Russ.)